по своей сочности обычным аввакумовским эпитетам: Плешкович, этот «блекотливый козлище» (55), «злозавистный» (48) и «безстудный лаятель» (45), вконец «объюродев» (56), «возбесився» (55) и «вредоумием» своим (55), «яко бешен пес мятешася» (48).

В своих позитивных эстетических идеях Владимиров отчетливо заявил себя восторженным приверженцем западноевропейского искусства. Его занимали при этом, по справедливым наблюдениям искусствоведов, проблемы художественные: «благообразное живописание святых икон» (59), искусство писать «живоподобне» (58) или «человекоподобием» (50), «персонография» и «живописание» (24), следующие «благотелесному образу» (51), благодаря чему под руками «премудрых» и «добрых» мастеров всякая икона «светло и румяно, тенно и живоподобне воображается» (52).

Весьма близко к этим мнениям стоял и сам Симон Ушаков, который в своем сочинении об иконописи отстаивал мастерство «шарописательное».[32] Симеон Полоцкий в своем послании к царю Алексею Михайловичу также считал, что писать иконы надо «благозрачно», с использованием «всякого подобошарного украшения».[33]

Но Владимирова интересовали не только подобные профессионально-эстетические вопросы. Он обращал внимание и своего единомышленника Ушакова, и своего противника Плешковича на основной сюжет и главнейшую задачу придворной живописи. Иностранные художники, писал он, «добре» царские «персоны изображают» (44), они «земных» царей, «яко живых воображают» и тем самым «велию хвалу своим государям воздают» (45—46). В кружке московских изографов, обслуживавших царский двор, такие утверждения не могли не приобрести программного значения. Эти идеи были подхвачены Симеоном Полоцким. Если Владимиров концентрировал внимание преимущественно на царских «персонах», то Полоцкий, помимо этого, уже распространял его и на «вельмож»: «Множицею убо во окрестных странах людие царей своих образов не презирают и вельмож царевых в забвении не полагают, ... и образы их написуют, овии победы над главою венчающия, овии ж сущим в сане поклоняющаяся и началств чтомым...» (7).[34]

В своих придворно-эстетических воззрениях Владимиров шел еще далее. Для него тематика живописного изображения (царский портрет) должна была определять и оправдывать его эстетику («живописание»). Это обнаружилось яснее всего, когда Владимиров парировал требование Плешковича «не поклонятися» иконам (написанным иностранцами) вопросом, переносящим этот спор из сферы эстетики в сферу политики. Среди портретов многих царей в иностранных книгах встречается, как отмечал Владимиров, и образ «росийскаго царя». Из этой констатации следовал явно провокационный вопрос автора: «О сицевом же цареве образе, яко разсуждаешь, Плешковиче? Достанет ли таковую персонь царьскую похвалити и любезно почитати?» (46). В тех условиях действительности, которая окружала спорящих, и автор трактата, и его оппо-

---

[32] Симон Ушаков. Слово к люботщательному иконнаго писания. — Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, издаваемый под редакцией Г. Филимонова. М., 1874, № 1—3, Материалы, стр. 22—24 (далее страницы указываются в скобках в тексте). Вторую редакцию этого «Слова», составленную Корионом Истоминым, см.: А. Никольский. Слово к люботщателям иконнаго писания. — Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом, вып. XX, СПб., 1911, стр. 65—77.

[33] Л. Н. Майков. Симеон Полоцкий о русском иконописании. СПб., 1889, стр. 5, 7 (далее страницы указываются в скобках в тексте).

[34] См.: Ю. Н. Дмитриев, стр. 108—109.